

Майнагашева Нина Семеновна, Семенова Валентина Григорьевна

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОГРАФИИ И
ФОЛЬКЛОРА В ДРАМАТУРГИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ЯКУТИИ НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ
ПЬЕС О ЖЕНСКИХ СУДЬБАХ)**

В статье раскрывается специфика художественного изображения элементов этнографии, фольклора в драматургии народов Сибири и Якутии начала XX в. Анализируется процесс творческого освоения национальными драматургами поэтики и эстетики родного фольклора. Более подробно рассматривается один из мотивов в пьесах о женских судьбах - мотив женитьбы (похищения, купли невесты), который играет важную роль в поэтике драмы народов Сибири и Якутии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 38-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE PHENOMENON OF THE DYING STATE IN V. NABOKOV'S EARLY NOVELS

Lebedeva Viktoriya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Yelets State Bunin University
vikkktoria2@yandex.ru

The phenomenon of dying state plays one of the key roles in the artistic world of V. Nabokov. His research helps to specify the ontological, epistemological and axiological ideas of the writer. The moment of being on the threshold of mortality, according to V. Nabokov, is the point of extreme existential tension when the abysses both in the literal and figurative senses are open for a person. It is the hour of summing up and beginning of retribution for the earthly life.

Key words and phrases: metaphysics; motive; Nabokov; ontology; thanatology.

УДК 82.091

В статье раскрывается специфика художественного изображения элементов этнографии, фольклора в драматургии народов Сибири и Якутии начала XX в. Анализируется процесс творческого освоения национальными драматургами поэтики и эстетики родного фольклора. Более подробно рассматривается один из мотивов в пьесах о женских судьбах – мотив женитьбы (похищения, купли невесты), который играет важную роль в поэтике драмы народов Сибири и Якутии.

Ключевые слова и фразы: якутская, бурятская, тувинская и хакасская драматургия; обрядово-фольклорные истоки; сюжет; конфликт; система персонажей; типологические сходжения; А. Софронов; В. Кок-оол; А. Топанов; М. Коков; Н. Балдано.

Майнагашева Нина Семеновна, к. филол. н.
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Nina_71@inbox.ru

Семенова Валентина Григорьевна, к. филол. н., доцент
Северо-восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
setenova_ykt@mail.ru

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА В ДРАМАТУРГИИ НАРОДОВ СИБИРИ И ЯКУТИИ НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС О ЖЕНСКИХ СУДЬБАХ)

Драматургия народов Сибири и Якутии стала активно развиваться в начале XX века и в 1910-1920 гг. и имела органическую «внутреннюю» связь с традиционной культурой и народной жизнью. Произведения драматургии народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов) и Якутии с момента зарождения и формирования и по настоящее время обогащаются почвой родных культур. И так как эти народы объединяют исторические корни, общее общественно-историческое и экономическое развитие, то проявляется и идейно-художественная близость литератур: практически одновременное и однотипное тематическое и жанровое становление. Поэтому в драматургии национальных авторов как на макроуровне, так и на микроуровне обнаруживаются типологические сходжения. Целью нашей статьи является выявление особенностей отражения элементов этнографии и художественного освоения поэтики и эстетики родного фольклора и их функциональности в произведениях драмы начала XX в.

Первые драматурги народов Сибири и Якутии – В. Никифоров-Кюлюмнюр, А. Софронов-Алампа, Намжил Балдано, А. Топанов, М. Коков, Х. Намсараев, В. Кок-оол и др. – в своих произведениях в первую очередь обратились к родной культуре, к вековым культурным накоплениям своего народа, фольклору и богатству родного языка. Элементы драмы были присущи обрядовым песням, танцам, играм, календарным праздникам народов (якутский *ысыах*, хакасский *тун пайрам*, алтайский *эл ойын*, бурятский *цагалган*, тувинский *шагаа*), исполнению героического эпоса, национальной свадьбе – все это активно использовалось зачинателями драматургии в первых пьесах. По утверждению исследователей якутской драматургии А. Билюкиной, Н. Тобурокова, обряды и фольклор явились «первоосновой зарождавшейся якутской драматургии и театра» [2, с. 61], «послужили для них благодатным творческим материалом» [8, с. 121]. Такая характеристика присуща и для драматургии народов Сибири.

И, несмотря на то, что национальные драматурги в первые десятилетия XX века во главу угла своих произведений смело выдвигали такие актуальные проблемы времени как строительство новой жизни, обучение грамоте, бесправное положение женщины в обществе, в то же время они являлись непосредственными выразителями мира национального. Переходящие от поколения к поколению, отражающие уклад народной жизни и укрепляющие

духовный и нравственный потенциал народа, произведения фольклора и этнокультура в целом позволяли в драматических произведениях раскрыть сугубо национальные характеры и образно отразить действительность. Без этого не было бы адекватного отражения атмосферы национальной жизни в художественном слове.

Наряду с первыми драмами о мифологических и легендарных народных героях (В. Никифоров «Манчары» (1906) [6], Намжил Балдано «Сердце Гэсэра» [1] и др.), драматурги озадачивались раскрытием социально-нравственных проблем. Пафос, тематика, содержательный уровень первых произведений определялись особенностями социальной и культурной жизни российских окраин начала XX века.

Одной из значительных, можно сказать «специфических», проблем, рассматриваемых в произведениях национальных драматургов, стала тема раскрытия образа женщины и ее положения в обществе. Авторы обращали внимание на устоявшиеся нормы общества, где женщина порой приравнивалась к товару. Так, драма А. Софронова «Любовь» (1915) [7] рассказывает о трагической судьбе девушки-якутки. Главную героиню – сироту Катерину – против ее воли выдают замуж за старого вдовца Сис Семена. Катерина в доме Сис Семени измучена нечеловеческим, жестоким отношением со стороны мужа-деспота. Спасением и просветом в жизни Катерины является любовь молодого, образованного человека – Петра, который искренне полюбил ее. Катерина решает покинуть дом ненавистного мужа и связать свою судьбу с Петром. В отсутствие Петра Сис Семен при помощи местной власти принудительно заставляя жену вернуться в его дом. Петр борется за свою любовь и добивается расторжения брака Сис Семени и Катерины Хомуяховых. Но счастью молодых не суждено было сбыться: Катерина, не дождавшись Петра, умирает. Такая же участь у буряток Сэсэг, героини пьесы А. Шадаева «Несчастливая девушка», и Хабхрай из пьесы А. Тургена «Женская доля» [6, с. 33-37]. Девушка Сэсэг украдена известным вором Костей Доржиевым и продана богачу за пятьсот рублей. Хабхрай, будучи замужем за богатым самодуром Бартаном, выполняет в его доме обязанности служанки, терпит унижение и побои. В таком же положении оказывается юная Болжамуур, которую насильно выдают замуж за того же Бартана. О бесправном положении женщины рассказывается и в первом крупном драматургическом произведении на тувинском языке – пьесе В. Кок-оола «Хайыраан бот» (1937) [13, с. 15-36]. Девушка Кара, против своей воли выданная замуж за богатого Кенден-Хуурака, больше не может терпеть притеснений жестокого мужа и тайком возвращается в родные места, в родную юрту. Но это ее не спасает: Кенден-Хуурак приезжает вслед за ней, чтобы вернуть непокорную жену в свой дом. Понимая, что ничто не в силах ее освободить от мужа-деспота, в финале пьесы она бросается со скалы, кончая жизнь самоубийством. Подобные трагедии не могли не получить отражения в литературе, так как имели место в жизни и тувинского, и хакасского, и якутского обществ. В хакасской драматургии сюжет о насильственном замужестве молодых девушек из бедной семьи также занимает значительное место. В первых произведениях хакасской драмы – «Акун» (1940) М. Кокова [3], «Одураченный Хорхло» (1941) А. Топанова [9] – девушки из бедных семей Анна и Порчо были похищены старыми баями. В хакасском предании с трагическим сюжетом о красавице Абахай Пахта, похищенной монгольским воеводой, повествуется о ее добровольной гибели. Она, подобно тувинке Кара, не покорившись похитившему ее мужчине, бежит на родину после трехлетней жизни на чужой стороне. Данное предание стало основой сюжета трагедии А. Чапрая «Абахай Пахта» (1991) [11], где видим, что кладовая самобытной культуры по сей день продолжает питать искусство народа.

В произведениях острой критике подвергаются представители «темного царства» – богачи, воплощающие в себе патриархальный тип бая-феодала. Мужья, купившие девушек за большой калым или похитившие их, показаны как жестокие и бессердечные люди. Сис Семен жаден, скуп, груб и ревнив, относится к жене как к рабыне, избивая ее за малейшую провинность. Кенден-Хуурак также представлен самодуром, всячески притесняющим жену Кару. Хакасский бай Хорхло глуп и смешон. Кака представлен эгоистичным, коварным и жестоким, не знающим отказа ни в чем. Им противопоставляются образы возлюбленных героинь – Петра, Дэлгэра, Седипа, Акуна, Ожена, которые выступают народными заступниками, защитниками справедливости и носителями высших нравственных ценностей народа. Дэлгэр, смело защищая Сэсэгму и свое человеческое достоинство, поднимает руку на сына местного головы. Петр с помощью друзей добивается пересмотра дела о незаконной женитьбе противника. Застав Катерину мертвой, он намерен возбудить дело против Сис Семени: «Я этого не оставлю без последствий. Непременно буду судиться. Этим дело еще не кончится, подниму шум...» [7, с. 80]. В финале произведения тувинского драматурга Седип убивает Кенден-Хуурака и, подняв оружие, произносит народную поговорку: «Человек стареет, месть не стареет!». Ожен с помощью своих друзей, Чанара и Чибека, освобождает свою возлюбленную, выставив на всеобщее осмеяние бая Хорхло. Акун же, переодевшись в пастуха, войдя в доверие к людям Кака, освобождает Анну. Героини пьес – Катерина, Сэсэгма, Кара, Анна, Порчо – гордые, свободолюбивые девушки, яркие представители своего народа, глубоко переживающие не только за свою судьбу, но и за судьбу своего народа. Они являются олицетворением женского начала в целом. В их образах впервые в произведениях драмы народов Сибири и Якутии открываются глубинные качества национального характера, динамика изменения женского самосознания в условиях патриархата. Через женские образы драматурги репрезентируют национальный мир своих героев. Все они проходят сложный путь унижений, боли, сомнений и колебаний. Историко-культурный контекст данных драматических произведений связан с тем, что и образы героев (возлюбленных) вообрали в себя характерные качества национального героя, истоки которого заложены в фольклоре, – это, как правило, остроумный, находчивый и смелый народный заступник. В фольклоре, как известно, судьба героя связывается с поиском счастья, которое герой (особенно герой волшебной сказки, эпоса) должен заслужить, найти, отстоять в поединке с врагом (чудовищем), чтобы жениться на любимой или ханской (царской) дочери.

В рассматриваемых нами драматических произведениях, как и в сказке, испытание героя является важной частью поэтики драмы. Трудности преодолевают как сами героини, так и их защитники (друзья, возлюбленные). Подобно фольклорному герою, они отстаивают свое счастье в неравной борьбе, будь то с имеющими власть и влияние богатыми баями или шаманами.

В целом, в данных произведениях якутских, бурятских, тувинских и хакасских драматургов сюжет развивается по единой схеме: бедная девушка (сирота) насильно выдается замуж (похищается) за богатого старика (бая, шамана) – благородный возлюбленный борется за девушку – в финале виновник наказывается.

Можно предположить, что сходство сюжета, конфликта, системы персонажей национальных драм основано на общности социокультурных процессов, происходивших в определенном историческом цикле в едином пространстве. Но важную функциональную задачу в организации сюжета первых драматических произведений сибирских народов выполняет мотив женитьбы (похищения, купли невесты). Этот мотив не только предопределяет сюжет драмы, но и играет важную моделирующую роль в поэтике драмы. Подобный мотив встречается в фольклоре якутов. Герои эпоса олонхо борются за устройство своей семейной жизни для продолжения и умножения своего рода и племени. Богатыри совершают ряд героических подвигов: защищают солнечное племя от нападения злых духов – абаасы, освобождают похищенных богатырями нижнего мира красавиц. Якутский фольклорист Г. У. Эргис писал: «Сюжет так называемой героической женитьбы встречается в эпосе у разных народов Сибири и Северной Азии и оформляется по-разному в зависимости от быта и национальных особенностей их истории. Однако сюжет имеет историческую основу, а именно связан с развитием семьи в родовом обществе. В период, когда из родового коллектива обособлялись большие патриархальные и малые семьи, действовал обычай экзогамии, запрещающий брать жену в своем роде. Мужчина добывал себе жену из другого рода, что было сопряжено нередко с большими трудностями» [12, с. 199].

Фольклорист, исследователь хакасского героического эпоса В. Е. Майногашева о функционировании мотива женитьбы (похищения невесты) в героических сказаниях отмечает следующее: «На протяжении всего повествования изображается борьба человеческого мира с миром демоническим из-за брачных притязаний второго к первому. С одной стороны, либо демонические богатыри стремятся похитить девушку солнечного мира себе в жены, либо демоническая женщина хочет женить на себе богатыря-человека» [4, с. 77].

Рассматривая структуру волшебной сказки, П. Трояков отмечает, что «женитьба заняла самое универсальное место в структуре сказки и оформилась в завершающее звено всей цепи сказочных испытаний и сказочного получения блага и вознаграждения. Эта общая закономерность сказкообразования обнаруживается в сказочном творчестве всех народов, а семантика этих мотивов явилась поистине неисчерпаемой питательной почвой народного искусства и литературы с древнейших времен до наших дней» [10, с. 286].

Важную роль в поэтике драмы играют художественные детали и сюжетно-композиционные решения, в которых драматурги опираются на фольклорную эстетику. Так, герои драм Акун, Петр, Дэлгэр, Седип, подобно сказочным героям, должны преодолеть трудности в борьбе с похитителями их невест и жить счастливо, строить новую жизнь.

Национальные драматурги А. Софронов, В. Кок-оол, Ж. Тумунов, А. Топанов, М. Коков, обобщая факты из жизни народа, разрабатывая национальный характер, впервые художественно воспроизводят историческое время, его проблемы и конфликты. Через введение этнографических деталей, элементов обрядовой культуры в художественную ткань драмы передаются особенности жизненного уклада, национального менталитета и специфика творческого мышления автора. Социальными конфликтами в произведениях определяется внутреннее разногласие героев: с одной стороны, Катерина, Кара, Сэсэгма, Анна, Порча вынуждены подчиняться вековым обычаям и законам своего народа, с другой же стороны, драматурги изображают исключительные характеры в острой конфликтной ситуации, где человек решается отстаивать свое право на личную свободу и личное счастье. Героини данных произведений сталкиваются не только с социальными проблемами, но переживают и глубокий внутренний конфликт: они выражают несогласие с вековым укладом жизни своего народа, за что, как правило, должны были наказываться. Они испытывают глубокие переживания, внутренние противоречия, вступают в противоборство не только с привычным миром, но и с собой. В драмах изображается быт народа с бесчеловечным отношением к женщине, с жестоким угнетением и образцами социального протеста. Таким образом, основной конфликт в этих пьесах выходит далеко за рамки семьи и становится социальным.

Вследствие происходивших в жизни перемен в произведениях первых национальных драматургов Сибири и Якутии наблюдается и стремление показать влияние зарождавшихся капиталистических отношений на сознание и поведение людей. Наравне с этим, в произведениях начинает доминировать морально-этический аспект, который выступает мерилем поступков персонажей. В драмах о женских судьбах в соответствии с принципом сопоставления персонажа и его позиции с действительностью авторы изображали внешне-событийный конфликт, раскрывающий определенные общественные противоречия, способствующие более яркому проявлению личностных качеств героинь.

Так как в культуре коренных народов Сибири и Якутии женщина являлась хранительницей домашнего очага, в произведениях А. Топанова, М. Кокова, В. Кок-оола, А. Софронова, А. Шадаева, А. Тургена особое внимание уделяется хронотопу дома. Образ дома архетипичен и символизирует очаг, непоколебимые нравственные устои патриархальной семьи. Но для героинь первых национальных драм народов Сибири дом мужа не становится родным и защищенным пространством, где они могли обрести покой и благополучие. Они стремятся вырваться за его пределы и найти счастье в другом пространстве (отчий дом, малая родина, дом возлюбленного).

Также особую драматическую роль в поэтике этих драм играет песня, выполняющая особую функцию: через них авторы передают душевное состояние персонажей, выражают суть внутреннего развития героев, позволяют осознать мотивы их поступков. Песни придают пьесам национальный колорит, а порой и особый национальный дух. Песня, передавая душевное состояние персонажей драмы, наиболее полно раскрывает образ. Персонажи драм А. Софронова «Бедный Яков», «Любовь», «Манчары», «Игра жизни» – Николай, Федор Тень, Николай Болтос, Манчары – в песнях-признаниях раскрывают мотивы своих поступков или личных драм. О своей любви к разбойнику Манчары рассказывает в своей песне и Феодосия, героиня драмы «Манчары»:

Будь что будет,
Я за тобой везде пойду.
Милый друг, давай уедем
Отсюда, куда глаза глядят [7, с. 245].

Песенной форме диалога в драматургии отводилась особая роль. Через песню можно было сказать то, чего нельзя выразить простым монологом или диалогом. Через песни передавалось самое сокровенное. Например, признание в любви. Так, песня Акуна из драмы М. Кокова, исполненная в форме тахпаха, хакасской лирической песни, стала впоследствии песней признания в любви и получила широкую популярность в народе:

Пока не ступлю на желтую гальку,
Не сниму свои желтые кожаные сапоги.
Пока не женюсь на той, о ком думаю,
Не сойду со своего солового иноходца [3, с. 235]...

По характеру конфликта, расстановке противоборствующих сил большинство произведений национальных драматургов Сибири и Якутии 1900-1940-х гг. относятся к социально-бытовой драме. Синтезируя требования нормативной эстетики и национальной самобытности, драматурги стремились художественно убедительно показать картины жизни народа, специфику его культурного национального мировоззрения. Историко-политические и общественные противоречия времени определили характер и структуру художественного конфликта в драматургии данного периода: обязательное изображение борьбы двух идейных противоположных начал, противопоставление старой и новой жизни, изображение героя-борца. Закономерно и то, что эстетическое наследие народов стало одним из важнейших источников развития национальной драматургии. Творческие искания сибирских и якутских драматургов имели непосредственную связь с этнокультурой. Начало XX в. явилось временем органичного взаимодействия устного народного творчества и драматургии, временем репрезентации индивидуального творческого сознания через актуализацию культурного наследия народов Сибири и Якутии. В это время в драматургии начинают проявляться важнейшие черты народного сознания, национального характера, а также – суть и глубина освоения фольклорной эстетики и поэтики. Творчество А. Софронова, В. Кок-оола, А. Шадаева, А. Тургена, А. Топанова, М. Кокова стало целым этапом в развитии национальной драматургии на основе культурно-эстетического наследия народов Сибири и Якутии. Их творчество ярко демонстрирует то, что драматургия бурят, хакасов, тувинцев, якутов, формировалась и развивалась с одной стороны, отвечая актуальным проблемам времени, с другой, – опираясь на глубокоую этнопоэтическую основу.

Таким образом, в драматических произведениях национальных авторов Сибири и Якутии как на макроуровне (на уровне сюжетных мотивов, проблематики, конфликтов, системы персонажей), так и на микроуровне (на уровне деталей и подробностей) обнаруживаются типологические параллели, что было обусловлено общностью общественно-политического развития и социально-экономического положения народов России в начале XX в. Элементы этнографии и фольклора в произведениях драматургов А. Софронова, В. Кок-оола, А. Шадаева, А. Тургена, А. Топанова, М. Кокова наиболее яркое воплощение нашли в пьесах о женских судьбах. Зачастую образы и мотивы сюжетов, получившие воплощение в пьесах начала XX в., в той или иной мере имели место в реальной жизни, свидетелями которых были и сами драматурги. И в произведениях драмы они выполняли функцию художественной передачи особенностей традиционного уклада, менталитета и культуры каждого из этих народов. Мотивы родного фольклора в период зарождения жанра сибирской и якутской драмы сыграли важную идейно-художественную функцию в поэтике драматических произведений. Одним из самых распространенных фольклорных мотивов в драматургии стал мотив женитьбы (похищения, купли невесты) с сюжетобразующей функцией, который способствовал отображению одного из острых конфликтов времени – конфликта женщины и уклада патриархального общества.

Список литературы

1. Балдано Н. Сердце Гэсэра // Балдано Н. Г. Пьесы / пер. с бурят. М.: Советский писатель, 1980. С. 135-188.
2. Билюкина А. А. Языческие обряды якутов (Истоки якутской драмы). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 80 с.
3. Коков М. С. Акун // Красная степь: рассказы, стихи, пьесы на хакасском яз. Абакан, 1982. С. 198-249.
4. Майногашева В. Е. Древнейшие алыптыг нымахи и герои // Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. С. 69-96.
5. Найдаков В. Ц., Имixelова С. С. Бурятская советская драматургия / отв. ред. Е. В. Баранникова. Новосибирск: Наука, 1987. 269 с.
6. Никифоров В. Манчары. Якутск: Изд-во ИГИ АН РС(Я), 1996. 40 с.
7. Софронов А. И. Сочинения. Якутск: Бичик, 2008. Т. 3. Драммы. 544 с.

8. **Тобуроков Н. Н. и др.** История якутской литературы (середина XIX – начало XX века). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993. 196 с.
9. **Топанов А. М.** Алаахтыртхан Хорхло // Красная степь: рассказы, стихи, пьесы на хакасском яз. Абакан, 1982. С. 105-167.
10. **Трояков П. А.** Истоки и формы чудесного вымысла (на материалах волшебных сказок хакасов и других народов Сибири). Абакан, 1991. 385 с.
11. **Чапрай А.** Абахай Пахта: пьеса на хакасском яз. Абакан, 2012. 46 с.
12. **Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
13. **Көк-ool.** Хайҕаан pot / Sii nomu. Pir tugaar tepter (Сб. пьес). Къзыл: Cogaal komitedi, 1937. 66 с.

**THE SPECIFICITY OF LITERARY REPRESENTATION OF THE ELEMENTS OF ETHNOGRAPHY
AND FOLKLORE IN THE DRAMATURGY OF THE PEOPLES OF SIBERIA AND YAKUTIA
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF PLAYS ABOUT WOMEN'S FATES)**

Mainagasheva Nina Semenovna, Ph. D. in Philology
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Nina_71@inbox.ru

Semenova Valentina Grigor'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
semenova_yki@mail.ru

The article examines the specificity of literary representation of the elements of ethnography, folklore in the dramaturgy of the peoples of Siberia and Yakutia at the beginning of the XX century. The process of creative mastering of poetics and esthetics of native folklore by national playwrights is analyzed. One of the motives about women's fates in plays is more thoroughly examined – the motive of marriage (ravishment, buying of a bride), which plays a significant role in the poetics of drama of the peoples of Siberia and Yakutia.

Key words and phrases: the Yakut, Buryat, Tuvinian and Khakass dramaturgy; ritual-folklore sources; plot; conflict; the system of characters; typological coincidences; A. Sophronov; V. Kok-ool; A. Topanov; M. Kokov; N. Baldano.

УДК 821.111

Статья раскрывает новое художественное видение времени в пейзажах «Путевых писем» Мэри Монтэгю. В них категория времени связана со всеми изображаемыми объектами, в том числе руинами. Готическое искусство перестали оценивать мерками греческого искусства, открыв в первом свои преимущества и ценности. Наиболее очевидно движение времени в городских пейзажах, где Монтэгю находит зримое движение исторического времени, неотрывное от природы и объектов, созданных человеком.

Ключевые слова и фразы: время; готический вкус; городской пейзаж; след прошлого; историческое время; деятельность человека; руины.

Нагорнова Екатерина Валерьевна, к. филол. н.
Российский университет дружбы народов
katya-nagornova@yandex.ru

**ГОТИЧЕСКИЙ ВКУС И ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ
В ГОРОДСКИХ ПЕЙЗАЖАХ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ» М. МОНТЭГЮ**

Новый взгляд человека первой половины XVIII века на природу «пробудил чувство времени». Именно приметы и категории «циклических времён» (термин М. М. Бахтина, куда входят природное время, бытовое, сельско-трудовое и др.) способствовали раскрытию примет «исторического времени» (термин М. М. Бахтина [2]) как в природе, так и в жизни человека. У Монтэгю, стоявшей у истоков открытия чувства исторического времени в эпоху Просвещения, художественное видение исторического времени можно проследить в пейзажах произведений. В них категория времени связана со всеми изображаемыми объектами.

Наиболее очевидно движение времени в городских пейзажах. Это связано со всеми особенностями городского пейзажа у Монтэгю. В отличие от искусства классицизма, писательница отходит от использования симметрии и чёткого деления планов, что связано с понятием «готический», которое в первой половине XVIII века чаще всего означает «архаичный, странный, нескладный, иррегулярный». Эти оттенки понятия «готический» были выделены исследователем В. Холбруком [3, р. 499-500]. Словосочетание «готический вкус» чаще всего применялось к архитектуре, в основном во Франции. Его значение является противоположным «классическому вкусу», то есть античному, по правилам которого возводились «французские сады и парки». Эта традиция пришла из XVII века, из спора «древних и новых», подготовивших почву для полемики просветителей о превосходстве природы над искусством, разума над эмоциями. Словосочетание «готический вкус» встречается в памфлетах Леблана (1733), который попытался вывести формулу «готического